

МАРЕК М. КАМИНЬСКИЙ,
Калифорнийский университет, Ирвин

**Есть ли прок для партий от манипуляций с
избирательной системой? Положение о
выборах и избирательная инженерия в Польше
(1989–1993)¹**

Abstract

Electoral reforms had profound political consequences for post-communist Poland. The majority system promoted the fall of communism, while later changes to the electoral law helped the former communists to reclaim power. Despite the play for high stakes and top priority given to electoral design by political actors, their manipulative efforts were hardly rewarded. Although the political parties were ex ante seat-maximizers, they supported the electoral law that ex post would have given them the most seats about as frequently as they supported the closest competitor of the above-mentioned one. The reasons for their miscalculations included a lack of methodological expertise, unexpected shifts in voter preferences, transition-specific poll biases, as well as new entrants and coalitions that emerged in the period between the introduction of the new electoral law and elections. No significant differences among the various kinds of parties were found. The results do show that the effectiveness of manipulation has strongly increased over time.

---

¹ Kamiński M.M. Czy partie korzystają na manipulacjach systemem wyborczym? Ordynacje wyborcze i herestetyka w Polsce w latach 1989–1993 // *Studia socjologiczne*. — 2002. — 2(165). — S. 39–77.

Статья написана при поддержке “Open Society Institute Individual Project Fellowships Program”. Библиотека Сейма Республики Польша любезно предоставила свои архивы. Мет Голдер, Николас Миллер, Моника Налепя, Соня Наденишек, Метью Шугарт, Томас Стретмен и анонимные референты сделали уместные комментарии. Статья впервые была опубликована на английском языке в “*Journal of Theoretical Politics*” (2002. — 14(3). — P.325–329).

Введение

Избирательную инженерию часто понимают как способ манипуляции переменными, определяющими принципы политической игры, согласно интересам конкретных игроков или как “формирование мира таким образом, чтобы победить” [54]. Это основано на убеждении, что политические игроки всегда склонны к изменению правил игры ради собственной выгоды. Наряду с другими типами манипуляций избирательная инженерия (внедрение новой избирательной системы в парламентских рамках или путем внепарламентских соглашений между политическими партиями) часто приводит к серьезным политическим последствиям¹.

В этой статье мы будем придерживаться точки зрения заинтересованных игроков. Выбор, осуществляемый партиями, вызывает два важных вопроса. 1. Чем руководствовались партии, изменяя избирательное законодательство? 2. Достигли ли они успеха в “формировании мира таким образом, чтобы победить”? Ответ на первый вопрос относительно прост. Очевидно, что партии осуществляют определенного рода оптимизацию. Партия может поддерживать избирательную систему, которая максимизирует для нее предполагаемое количество мест в парламенте, либо в определенных условиях может уделять больше внимания программе будущего правительства. Ответ на второй вопрос менее очевиден.

В статье описано исследование эффективности манипуляций с положением о выборах и проанализированы пять случаев изменения положения о выборах в Сейм и Сенат в Польше во времена посткоммунизма². Результаты оказались неожиданными. В четырех случаях можем однозначно утверждать, что поддержка партиями положения о выборах мотивировалась соображениями максимизации количества мандатов в будущем Сейме. Однако результаты выборов, а также имитация результатов выборов при конкурентном избирательном законодательстве свидетельствуют о том, что партии поддерживали положение о выборах, которое *ex post* дало бы им больше всего мандатов, так же часто, как и положение, непосредственно конкурирующее с ним. Для большинства субъектов манипуляции отсутствие методологии, неожиданный передел и консолидация политической сцены, низкий уровень опросов, а главное — непостоянство избирательных предпочтений обратили прогнозируемый успех в фактическое поражение.

Вполне естественно встал вопрос о более широких политических последствиях применения конкретного положения о выборах. Ответы на этот вопрос кратко изложены в разделе, посвященном нескольким выборам. Хотя политические игроки в Польше не достигли выгоды от своих манипуляций, изменения в избирательном законодательстве имели огромные, поразившие всех, в том числе и инициаторов поправок, непосредственные по-

---

¹ В отличие от долговременных политических последствий принятия определенных положений о выборах, послуживших объектом многих основательных теоретических трудов [14; 51; 62; 37], избирательная инженерия, как правило, анализируется в рамках конкретных случаев манипуляции (см. : [2; 12; 42; 29]).

² Три случая касаются положения о выборах в Сейм (1989, 1991, 1993), а два — положения о выборах в Сенат (1989, 1991). Ситуация, касающаяся положения о выборах в Сейм 1991 года, исключена из рассмотрения из-за причин, изложенных в разделе “Замечания относительно положения о выборах в Сейм 1991 года”.

литические последствия. Выбор мажоритарного положения о выборах, осуществленный коммунистами в 1989 году, привел к их поражению, а затем и краху коммунизма [28]. Положение о выборах в Сейм 1991 года обусловило раздробленность парламента и нестабильность правительства. В 1993 году внезапный роспуск парламента сразу после принятия нового положения почти не оставил правым группировкам времени на консолидацию, что привело к их окончательному поражению на выборах. Парадоксально, но это изменение в избирательном законодательстве помогло бывшим коммунистам вернуть власть [27].

В дальнейшем изложении представлена модель и определены два показателя для измерения успешности максимизации количества мандатов. Оба показателя операционализируют понятия максимизации количества мандатов *ex post* для многих партий, участвующих во внесении изменений в положение о выборах. Если решения партии мотивируются соображениями максимизации количества мандатов, то оба показателя измеряют степень эффективности партии при выборе положения *ex post* (то есть действительно) выгодного для них. Обсуждается также различие между успешностью и рациональностью. Третий раздел содержит описание политического контекста всех случаев изменения избирательного законодательства и реконструирует данные, необходимые для определения величины показателей. Четвертый раздел посвящен рассмотрению результатов и объяснению причин ошибок в расчетах игроков. В заключение сделан краткий обзор ошибочных расчетов и неожиданных политических последствий реформирования положений о выборах в Восточной Европе¹.

Основные понятия и проблемы

Модель: показатели эффективности

Рассмотрим сначала частный случай изменения положения о выборах. N_k будет означать группировку n_k партий, которые либо поддерживают принятое избирательное законодательство q в противовес альтернативному законодательству p , либо являются его противниками. Три числа, приписанные каждой партии $i \in N_k$, означают, поддерживала ли партия существующее избирательное законодательство или же его “ближайшего конкурента”, сколько мандатов получила на выборах и сколько (гипотетически) могла получить при конкурентном положении о выборах. Формально достижения партии i при обоих положениях о выборах обозначаются как S_i^q и S_i^p . Результаты интерпретируются как процент мест в парламенте, которые партия получила в выборах или которые могла получить при альтернативном положении о выборах. В связи с этим будем считать, что $0 \leq S_i^j$, а также $\sum_{i \in N_k} S_i^j \leq 100$ для $j = p, q$ и для $i \in N_k$. Заметим, что величина результатов может быть меньше 100, поскольку в выборах могут участвовать партии вне группы противников и сторонников (например, партия, которая получила места в парламенте, могла возникнуть уже после парламентского голосо-

¹ Описание элементов польских положений о выборах см.: *Kamiński M.M.* Czy partie korzystają na manipulacjach systemem wyborczym? Ordynacje wyborcze i herestetyka w Polsce w latach 1989–1993 // *Studia socjologiczne*. — 2002. — 2(165). — S. 39–77.

ния, изменившего положение о выборах, но еще до выборов). *Предпочтения* партии i , v_i равняются 1, когда i была сторонником q , и -1 , когда i была противником q . Потери или выигрыши относительно мандатов γ_i определяем как:

$$\gamma_i = (S_i^q - S_i^p) v_i. \quad (1)$$

Величина γ_i означает количество “выигранных” (или, если она отрицательная, “утраченных”) мандатов для партии i при поддерживаемом ею положении по сравнению с положением, которое она отвергла. Положительная величина γ_i означает, что i поддерживала положение, обеспечившее ей больше мандатов; отрицательная — противоположный случай; когда $\gamma_i = 0$, это означает равное количество мандатов при обоих положениях. Величины S_i^q , S_i^p и v_i будут определены далее на основе эмпирических данных. Величины γ_i содержат всю информацию, необходимую для определения наших показателей.

Предположим теперь, что имеется несколько случаев изменения положения и нас интересует синтетическое описание эффективности максимизации количества мандатов всех случаев в совокупности. Обозначаем соответствующие группировки сторонников и противников очередных изменений как $N_1, N_2, \dots, N_k$. Будем считать, что партии из различных группировок имеют разные показатели, и определяем $N = \bigcup_{k=1}^K N_k$. Можем теперь определить наши показатели для произвольной группировки $M \subset N$:

$$\pi^M = \frac{1}{|M|} (|\{i \in M : \gamma_i > 0\}| + \frac{1}{2} |\{i \in M : \gamma_i = 0\}|), \quad (2)$$

$$\gamma^M = \frac{1}{|M|} \sum_{i \in M} \gamma_i, \quad (3)$$

где $|M|$ означает количество элементов в группировке M ¹.

Оба показателя имеют интуитивную интерпретацию. *Показатель успешных игроков* π^M показывает, какая доля всех игроков из M поддерживала положение, более выгодное для себя (относительно количества мандатов). Игроков с нулевым выигрышем, то есть тех, для которых $\gamma_i = 0$, подсчитывают с весом $1/2$. Чем больше величина π^M , тем большая часть игроков, которые поддерживали более выгодное положение. Величины 0, $1/2$, 1 обозначают соответственно ситуации, при которых игроки: никогда не поддерживали положения, более выгодного для себя; когда поддерживали его так же часто, как и невыгодное; когда всегда поддерживали более выгодное для себя положение.

Может случиться так, что малая группировка игроков поддерживала положение, *ex post* очень невыгодное, тогда как большая группировка поддерживала положение *ex post* выгодное, но ВЫИГРЫШ был незначительным. Тогда можно утверждать, что π^M показывает завышенную эффективность. Эту проблему решает другой показатель, учитывающий выгоды и потери. Если π^M свидетельствует лишь о том, сколько игроков *ex post* выигрывали, а сколько теряли благодаря положению, которое они поддерживали, то γ^M измеряет средний выигрыш игроков из группировки M . По определе-

¹ Предложена модификация показателя успеха игроков. Успех игрока может определяться обратно пропорционально количеству всех партий, участвующих в выборах.

нию $\gamma^M \in [-100, 100]$. Крайние величины -100 и 100 недостижимы, разве что в почти невероятной ситуации. Например, величина 100 означала бы случай, когда только одна партия из группировки M поддерживает положение, которое дало бы ей все мандаты, тогда как альтернативное законодательство не дало бы ей ни одного мандата. Величина 0 означает случай, когда в среднем никто не выиграл и не потерял благодаря поддерживаемому избирательному законодательству. Для позитивного γ^M чем больше его величина, тем больше будет выигрыш для партий из группировки M , которую им обеспечит поддерживаемое ими положение. Аналогичным образом для отрицательных γ^M большая абсолютная величина означает большие абсолютные потери¹.

Ниже примем, что оба показателя опираются на действительные результаты выборов и на имитации распределения мандатов в соответствии с альтернативным избирательным положением. Эти показатели можно интерпретировать двояко.

Во-первых, показатели измеряют степень максимизации количества мандатов, полученных партиями *ex post*, или *уровень максимизации количества мандатов*. Такая интерпретация показателей не учитывает цели партий *ex ante*.

Вторая интерпретация применима тогда, когда можно утверждать, что партии были *ex ante* настроены на максимизацию количества мандатов. Тогда оба показателя можно интерпретировать как степень успешности партий при поддержке положения, которое позже оказалось для них более выгодным, то есть как успешность манипуляции. Такая интерпретация обоснованна только в ситуации изменения избирательного законодательства, осуществляемого партиями с целью максимизировать количество полученных мандатов. Проблема максимизации количества полученных мандатов и других целей обсуждается в разделе “Принцип максимизации количества мандатов”.

Операционализация

Модель, рассмотренная в предыдущем разделе, содержит следующие составляющие: (1) игроки (обычно партии), (2) действующее положение о выборах и непосредственно конкурентное, альтернативное положение, (3) предпочтения игроков *ex ante* относительно обоих положений о выборах, (4) расклад мест в парламенте *ex post* при действующем и альтернативном избирательном законодательстве. Чтобы иметь возможность определить и сравнить величины показателей для нескольких изменений положений, нужно убедиться, что всегда возможно идентифицировать все составляющие. Ниже обсуждаются методологические проблемы, возникающие при эмпирической идентификации составляющих модели.

1. Игроками являются политические партии, заседающие в парламенте, коалиции партий или, в случае первых частично свободных выборов 1989

¹ Способность γ^M репрезентировать величину выигрышей и потерь более весома. Если π^M учитывает только знак выигрыша или потери, то γ^M является линейной функцией вектора выигрышей/потерь. Этот показатель делает возможным сравнение между потенциально разными достижениями (например, сеймовскими и сенатскими мандатами) и предполагает сопоставимость единиц для разных игроков и различных случаев.

года, антикоммунистическая оппозиция и коалиция партий прежнего режима. Уже после принятия избирательного положения могут возникать разные благоприятные обстоятельства для реализации стратегии партии, скажем, создание коалиций и предвыборные размежевания. В нашем исследовании мы идентифицируем игроков с участвующими в выборах партиями и предполагаем наличие тесной связи между этими игроками и теми, кто раньше одобрил избирательное положение, например, речь идет об одной и той же партии (возможно, под другим названием) либо игроки, участвующие в принятии положения, размежевались или объединились, создавая партии, которые будут участвовать в выборах. Таким образом однозначно можно идентифицировать игроков в процессе разработки избирательного законодательства и во время выборов.

Практически в трети случаев, анализируемых в статье, игроки создавали коалиции, размежовывались или меняли название в период между принятием положения и выборами. Во всех случаях основные изменения идентичности игроков, происходившие после переговоров, нами детально описаны.

По стечению обстоятельств партии, которые вступали в коалиции или размежовывались после переговоров или накануне выборов, имели во всех случаях идентичные предпочтения относительно избирательного законодательства. В связи с этим объединение и раздел не повлекли за собой потери части данных. Две новые партии, успешно участвовавшие в выборах 1991 и 1993 годов, но не принимавшие участия в предыдущем принятии положения, были нами исключены из исследования.

2. Альтернативное положение о выборах должно быть однозначно идентифицировано. В четырех случаях изменений положений, рассмотренных в этой статье, альтернативные положения имели несколько разнящиеся интерпретации.

Переговоры Круглого стола 1989 года представляли собой продолжительные и тщательные дискуссии по поводу определения всех ведущих политических институций будущего строя, в том числе президентства и парламента. Кроме того, переговоры относительно положения о выборах в Сейм касались не только величины избирательных округов и методов подсчета голосов на мандаты, но и многих конкретных параметров, таких как размер общего списка и количество мандатов, обеспечиваемых свободными выборами. Альтернативное положение было при этом сконструировано скорее как умозрительный эксперимент, нежели настоящая альтернатива. Такая конструкция опирается на важнейший показатель осуществляемого выбора, то есть на метод назначения мандатов.

В отличие от закона 1989 года, положение о выборах 1993 года вызвало живое обсуждение, правда, исключительно в рамках парламента. Переговоры были делом сугубо внутрипарламентским. В итоге было разработано тщательно сконструированное положение о выборах, имевшее целью ограничить дробление парламента и укрепить крупные партии. Новое избирательное законодательство было принято в качестве альтернативы действующему положению о выборах 1991 года. Оно было существенно изменено Сенатом, но позже Сейм снова вернул его к предыдущей версии. Аналогичным был случай и с положением о выборах в Сенат 1991 года.

Статьи положения о выборах, составляющие предмет переговоров, касаются таких параметров, как процедура определения кандидатов, катего-

рии избирательных списков, структура округов, процентные барьеры относительно участия в разделе мандатов, метод подсчета голосов¹.

3. Предпочтения игроков *ex ante* фиксируют их выбор между двумя избирательными положениями во время переговоров или голосования. Если переговоры завершаются парламентским голосованием, мы интерпретируем предпочтения как рекомендации лидеров партии, сформулированные в выступлении перед голосованием. В случае переговоров, ведущихся вне парламента, предпочтения игроков идентифицируются на основе их позиций в переговорах.

В выборах 1989 года положение о выборах было разработано коммунистическими лидерами, а члены партии не участвовали в принятии решений. В случае выборов в Сенат в 1991-м и Сейм в 1993 годах партийные лидеры перед окончательным голосованием делали соответствующие публичные заявления. Партии ввели дисциплину, обязательную для их членов, и в обоих случаях имели место лишь спорадичные отклонения от партийной линии².

4. Расклад мандатов при действующем избирательном положении идентичен с результатами выборов. Чтобы выяснить расклад мандатов при альтернативном избирательном законодательстве, следует осуществить имитации. Это предполагает следующие аспекты.

Во-первых, способ голосования и структура округов согласно двум разным избирательным положениям могут различаться. В такой ситуации необходимы подробные сведения об избирательной системе. Например, сравнивая мажоритарную и пропорциональную системы, нужно получить информацию, которая позволит имитировать разделение или объединение округов. Во-вторых, две избирательные системы могут по-разному поощрять избирателей к стратегическому голосованию или к стратегическому воздержанию от участия в выборах. Разные положения могут также по-разному привлекать действующие и потенциальные партии к формированию избирательных коалиций, размежеванию, уходу с политической сцены или выходу на нее. Во всех случаях, рассмотренных в этой статье, изложена необходимая информация, касающаяся основных видов имитаций, и оценка того, как изменения различных ключевых параметров могут повлиять на конечные результаты. Однако стратегическое голосование и стратегическое формирование коалиций проблематичны для контроля и вносят определенный шум в имитации³.

¹ О методах см.: [11], а также: *Kamiński M.M. Czy partie korzystają na manipulacjach systemem wyborczym? Ordynacje wyborcze i herestetyka w Polsce w latach 1989–1993 // Studia sociologiczne. — 2002. — 2(165). — S. 39–77.*

² К.Бенуа и Ж.Хайден [3] приводят статистику голосования в зависимости от участия партий для всех случаев изменения избирательного законодательства, рассматриваемых в этой статье, и отмечают достойную удивления степень единства: почти во всех случаях партии голосовали как блоки, и практически не было отклонений от партийной линии.

³ В последнее время разработаны методологически более изощренные имитации, которые используют данные опросов и имитированные результаты выборов для распределения голосов или мандатов. К имитируемым параметрам относятся: альтернативное положение о выборах [7; 13]; изменения в избирательных программах [56]; вытеснение действующих игроков [1] и альтернативные предвыборные коалиции [29].

Принцип максимизации количества мандатов

Какой бывает мотивация партий для поддержки определенной избирательной системы? Принято считать, что партии в основном руководствуются распределением мандатов, то есть институциональные предпочтения являются функцией ожидаемого раздела мандатов, связанной с разными положениями о выборах (обзор разных подходов см. в: [4, с. 156–157]). Такой принцип почти не дает оснований для противопоставления в большинстве эмпирических случаев. Более сильным принципом в этом плане является максимизация количества собственных мандатов. Партия выступает “максимизатором количества мандатов”, если отдает предпочтение избирательной системе S^1 над системой S^2 тогда и только тогда, когда надеется получить больше мандатов в случае действия S^1 , а не S^2 . Мотивация распределения мандатов допускает более широкую сферу предпочтений, чем максимизация количества мандатов. Например, партия может отдавать предпочтение избирательному законодательству, которое минимизирует количество мандатов ее основного противника, за счет количества собственных мандатов.

Максимизация количества мандатов — это институциональная цель, однако не менее принципиальной целью партии является политическое влияние, а последнее зависит не только от количества собственных мандатов, но и от результатов других партий. Политическое влияние и максимизация количества мандатов могут вступать в противоречие. Поскольку предпочтения партий не поддаются наблюдению, а лидеры и эксперты партий очень редко готовы артикулировать свои мотивации, различение этих двух целей на практике затруднено¹.

В четырех случаях изменения положений о выборах, которые рассматриваются в этой статье, исходим из того, что партии были максимизаторами количества мандатов, то есть они поддерживали положение о выборах, при котором надеялись получить большую часть мандатов, игнорируя мандаты других партий. В одном случае предпосылка относительно максимизации количества мандатов не была реализована. Следует обратить внимание на цель исходного принципа максимизации количества мандатов. Он принципиально не влияет на интерпретацию показателей уровня максимизации количества мандатов, пока эта интерпретация не зависит от целей партии. Однако принцип максимизации количества мандатов необходим, чтобы сделать возможной оценку успешности партийных манипуляций. Если целью партии не была максимизация количества полученных мандатов, тогда ее поражение (успех) относительно выбора положения о выборах, максимизирующего количество мандатов, может не иметь связи с поражением (успехом) при манипуляции.

¹ К.Баун [2] убедительно аргументирует, что в случае изменений в немецком избирательном законодательстве в 1949 и 1953 годах СДПН руководствовалась скорее ожидаемым политическим влиянием в случае предполагаемых правительственных коалиций, нежели максимизацией ожидаемого количества мандатов. Следующий пример иллюстрирует суть этого аргумента: распределение мандатов трех партий A , B и C при избирательном законодательстве S^1 составляет соответственно (в процентах): $s_A^1 = 45$, $s_B^1 = 55$, $s_C^1 = 0$. В случае действия альтернативного избирательного положения S^2 эта пропорция выглядит так: $s_A^2 = 40$, $s_B^2 = 45$, $s_C^2 = 15$. Если вероятность для A образовать коалицию с C достаточно велика, то A может отдавать предпочтение опции S^2 (значительная вероятность оказаться более сильным партнером в правящей коалиции), а не S^1 (больше мандатов, но получение статуса оппозиционной партии).

Известно много анекдотических свидетельств, подтверждающих тезис о максимизации количества мандатов в польской политике. Для комментаторов очевидно, что партии поддерживают то положение о выборах, от которого ожидают, что оно принесет им больше мандатов: тезис о максимизации количества мандатов *ex ante* вошел в состав актуальных знаний. Газеты регулярно публикуют имитации, демонстрирующие альтернативный расклад мандатов при разных положениях о выборах, и комментируют, какие шаги каждая партия должна сделать, предполагая максимизировать мандаты. Партии также проводят собственные опросы, и свои решения ставят в зависимость от их результатов¹.

Рассмотрим все пять случаев изменения положения о выборах, исследуемых в нашей статье. Большинство аргументов доказывают, что партии были настроены на максимизацию количества мандатов.

Во-первых, в переговорах 1989 года в Польше было всего двое игроков. В таком случае стремления к политическому влиянию и максимизации количества мандатов противоречат друг другу.

Во-вторых, в более сложных случаях выборов в Сенат 1991-го и в Сейм 1993 года партийная система была крайне фрагментарной, и не совсем ясно, каким образом любые соображения о политическом влиянии могли быть учтены в партийных расчетах. Можно, однако, сформулировать аргумент более общего характера, касающийся новых демократий: когда партии руководствуются распределением мандатов, информационные условия способствуют калькуляциям, максимизирующим количество мандатов. В нестабильной ситуации рассчитать влияние изменения большинства округов, методов распределения мандатов или введения избирательных барьеров относительно количества мандатов конкретного игрока слишком сложно. Более сложные расчеты оказываются еще менее надежными. Следовательно, фрагментарность партийной системы и отсутствие надежных расчетов поддержки исключают надежную имитацию политического влияния при разных положениях о выборах².

---

¹ К.Бенуа и Ж.Хайден [3] определили показатель степени максимизации мандатов *ex ante* на основании результатов опросов в момент изменения избирательного положения и “уровня пропорциональности” положений о выборах. Обычно, исходя из таких данных, можно довольно точно спрогнозировать, какое избирательное положение даст партии с выявленным в соцопросах уровнем поддержки больше мест в парламенте. К.Бенуа и Ж.Хайден пришли к выводу о том, что общий уровень максимизации мандатов *ex ante* во всех случаях изменения избирательного законодательства в Польше был значительным и увеличивался с течением времени.

² Подобные аргументы в пользу максимизации мандатов против максимизации политического влияния как мотиваций политических партий во вновь сформированных демократических системах или в демократизирующихся авторитарных можно найти в: [6] относительно Кореи, [52] относительно России, [4] относительно Венгрии. К.Бенуа и Ж.Хайден [3] подсчитали, что в случае выборов в Сейм в 1993 году доля партий, которые максимизировали мандаты, составляла 0,72. Некоторые исключения из этого правила можно объяснить тем, что партийные лидеры были убеждены в систематических искажениях результатов опросов [30]. Такие случаи не обязательно противоречат принципу максимизации мандатов, поскольку могут учитываться расчеты, которые опираются на более сложную по сравнению с опросами информацию.

В случае изменения положения о выборах в Сейм 1991 года тезис о максимизации количества мандатов неадекватен. В этом случае, явившимся выразительным исключением из общего правила, партии не только не максимизировали количество мандатов, но даже не были мотивированы распределением мандатов. Длительные переговоры по поводу избирательного положения в Сейм 1991 года завершились бурным конфликтом с президентом Валенсой, вызванным вопросами, не связанными с распределением мандатов. Данные К.Бенуа и Ж.Хайден [3] подтверждают изложенное выше утверждение. Их расчет степени максимизации количества мандатов в соотношении с изменением избирательного законодательства в 1991 году составляет 0,54. В связи с этим данный случай исключен из исследования¹.

Замечания относительно рациональности игроков

Эффективность манипуляции можно оценить, если была проделана вероятностная имитация результатов выборов при альтернативном избирательном законодательстве. Оценка рациональности игроков, то есть формальная процедура выяснения того, было ли конкретное решение рациональным, представляется делом весьма сложным.

По нашему мнению, любая формальная оценка рациональности должна касаться четко определенной модели принятия решений, приписываемой игроку. В определенных нетривиальных случаях оценка рациональности может зависеть от принятой концепции решения, определяющей понятие рациональности в рамках конкретной модели, например такой, которая учитывает обоснованность стратегии *versus* рациональность. Это предполагает, что оценке эмпирических действий игрока должна предшествовать реконструкция его модели принятия решений. Такого рода задача может оказаться очень сложной, особенно если ожидания игрока неочевидны или слабо документированы. Приписывание игроку собственной модели наблюдателя может привести к серьезным ошибкам [63].

Вопросы эффективности и рациональности логически независимы, это означает, что ни эффективность не содержит имплицитно рациональности, ни наоборот. Такое утверждение скорее интуитивно. Существуют две причины, способные объяснить проигрыш разумного игрока и сногсшибательный успех дурака. Во-первых, модель, используемая игроком, может быть неадекватной действительному предмету принятия решения. Это может обуславливаться методологическими недочетами, отсутствием данных или просто обманом. Во-вторых, неожиданное “изменение ситуации мира” может в условиях нестабильности превратить взвешенное решение в малорезультативное, а необдуманное — в победоносное. В выборах основным источником неопределенности являются предпочтения избирателей, особенно в условиях новых демократий со значительным непостоянством электората. Наиболее точная оптимизация *ex ante* не гарантирует успеха *ex post*.

Существует много неформальных аргументов в пользу гипотезы, что все игроки, рассмотренные в этой статье, приложили немало усилий для максимизации разного рода выгод на основании изменения положений о выборах и

---

¹ Подробное описание изменения избирательного положения в 1991 году содержится в разделе “Замечания относительно положения о выборах в Сейм 1991 года”.

других институций. Изучение секретных докладных о заседаниях Политбюро Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) подтверждает, что коммунистические эксперты проделали огромную интеллектуальную работу для того, чтобы сформулировать адекватную модель принятия решений, даже заново открыли при этом понятие “простой игры” [см.: 47, с. 289–292]. Правые партии, проигравшие на выборах 1993 года, также предпринимали попытки увеличить свои шансы для образования коалиции, а потом воспользоваться итоговым эффектом этих акций [30]. В обоих случаях неожиданные “изменения ситуации мира” и методологические недостатки помешали игрокам достичь лучших результатов. Случаи очевидных ошибок, то есть выбора стратегий, которые *ex ante* были недостаточно обоснованными в рамках модели принятия решений, выбранной игроком, или же в рамках модели, которую можно считать естественной, случаются редко. Обычно подобные случаи объясняются неинформированностью игрока о существовании определенных стратегий или непониманием правил игры. Один из таких случаев описан в следующем разделе и касается выбора коалицией “Отчизна” субоптимального способа регистрации на выборах в Сейм в 1993 году.

Пять случаев манипуляций избирательным законодательством

Целью этой части статьи является представление всех пяти случаев изменения положений о выборах, имевших место в Польше между 1989 и 1993 годами. Четыре из них в достаточной мере соответствуют положениям, освещенным в разделах “Операционализация” и “Принцип максимизации количества мандатов”, что обосновывает их включение в анализ.

Ниже мы описываем переговоры во время Круглого стола, а также избирательные реформы 1991 и 1993 годов. Каждый случай рассмотрен в политическом контексте. После этого определены ведущие игроки и изменения их идентичностей (путем объединения и раздела) в период между датой изменения положения и выборами. Новое и альтернативное положения представлены в отдельной таблице. Вторая таблица содержит реконструированную часть данных, которые послужат для расчетов показателей.

Сейм и Сенат в 1989 году

Переговоры за Круглым столом начались семь лет спустя, когда в результате военного положения “Солидарность” ушла в подполье. Экономика военного положения оказалась неэффективной, а более поздние попытки ее реформирования потерпели крах. Вследствие постепенного упадка экономики и после неудачных реформ и серии массовых забастовок “Солидарности” в конце 1980-х годов коммунисты решились привлечь оппозицию к сотрудничеству.

Во время переговоров Круглого стола в 1989 году обсуждались все институции будущего политического порядка. Положение о выборах, ставшее, пожалуй, самой важной частью договоренностей Круглого стола, заняло всего четыре страницы. Остальные 250 страниц документов представляли собой подробный перечень общественных и экономических постановлений и деклараций, которые с точки зрения отдаленной перспективы были лишены малейшего политического смысла [55].

Несмотря на наличие 56 переговорных мест за Круглым столом среди всех участников вес имели только две стороны: коммунистическая коалиция и профсоюзное объединение “Солидарность”. После выборов коммунистическая коалиция распалась на части. Три небольшие организации “концессионных католиков” (“КК”) остались с ПОРП, тогда как ее давние сателлиты, крестьянская по своей социальной базе Объединенная народная партия (ОНП) и представитель мелких предпринимателей Демократическая партия (ДП), присоединились к “Солидарности”, чтобы создать первое некоммунистическое правительство в коммунистическом блоке. Тем не менее во время переговоров и выборов коммунистическая коалиция совместно обсуждала положение о выборах.

Положение о выборах разделило сеймовские мандаты на зарезервированные для коммунистической коалиции и полученные в ходе свободных выборов на основании мажоритарной системы двухтурового голосования (МС) в одномандатных округах. Мандаты в пределах относительно небольшого общего списка были распределены между партнерами коммунистической коалиции. Выборы в Сенат были абсолютно свободными. Здесь действовала альтернативная система многомандатного округа с преференциями (АСМОП), что предполагало двухтуровое голосование, подобно МС (см. табл. 1). Соглашение предусматривало также пост президента, избираемого обеими палатами парламента.

Альтернативное положение о выборах отличалось от действующего только системой голосования, применявшейся для 35% мандатов, распределение которых происходило в ходе свободных выборов. Это был единственный параметр избирательного положения, который могли изменять игроки. По причинам, о которых мы скажем ниже, квота мандатов, которые выносились на свободные выборы, для обеих сторон должна была составлять около 33,33%.

Для свободных мандатов после длительных и сложных переговоров была установлена 35-процентная квота. Ни меньшие, ни большие доли не были приняты как коммунистами, так и “Солидарностью”. Для обеих сторон 33,33% представляли критическую величину (в свете ожидаемого квалифицированного большинства в будущем парламенте), необходимую для отклонения вето Сената. В случае меньшей свободной доли коммунистическая коалиция получила бы полную свободу принятия решений независимо от результатов выборов. Она бы смогла сформировать правительство, выбрать президента, изменить конституцию и эффективно править даже при наихудшем для нее сценарии, если бы “Солидарность” получила все свободные мандаты в Сейме и все места в Сенате. Такой системы “Солидарность” не могла принять, поскольку это означало для нее статус марионетки в будущем парламенте и могло привести к потере поддержки в пользу более радикальных групп оппозиции. Геремек, глава переговорной группы от “Солидарности”, писал: “...нам как воздух было необходимо незначительное добавление к квалифицированному большинству” [58, с. 244]. Окончательный компромисс относительно 35-процентной квоты с квалифицированным большинством в две трети для отклонения вето Сената давал “Солидарности” шанс приобрести силу, которая позволит накладывать вето на будущие конституционные изменения и проекты законов. Таким образом он легитимировал решение профессионального союза участвовать в переговорах Круглого стола.

Таблица 1

Основные параметры положения о выборах в Сейм и Сенат, действовавшего в 1989 году, и альтернативного положения

СЕЙМ	Категории округов					
	Региональные					Общегосударственный список
Структура округов	ПОРП	Свободные	ОНП	ДП	УМ*	
Количество округов	156	161	67	24	17	1
Мандаты по округам (сумма)	156	161	67	24	17	35 ^a
Методы голосования ^b	МС	МС	МС	МС	МС	АСМО
Барьер для кандидатов, %	–	–	–	–	–	50 ^c
Процедура номинации	Поддержка 3000 избирателей, членство в партии ^d					Партия
Альтернативное положение	Мандаты в пределах 35-процентной квоты определяются по ПС, величина округов – 4–6 мандатов					
СЕНАТ	Категории округов					
Структура округов	Двухмандатные			Трехмандатные		
Количество округов	47			2		
Мандаты по округам (сумма)	94			6		
Система голосования	АСМОП			АСМОП		
Процедура номинации	Поддержка 3000 избирателей (без партийных ограничений)					
Альтернативное положение	Мандаты по одному из методов ПС в общегосударственном округе величиной 100 мандатов					

Источник: [15, с. 102–103].

Примечания:

* Названия основных игроков см. в Приложении.

^a Мандаты по общему списку были зарезервированы так: ПОРП – 17; ОНП – 9; ДП – 3; “КК” – 6.

^b МС – мажоритарная система двухтурового голосования; АСМО – альтернативная система многомандатного округа; АСМОП – альтернативная система многомандатного округа с преференциями; ПС – пропорциональная система.

^c Из-за законодательных просчетов результаты второго тура по общему списку нельзя определить.

^d Кандидаты должны были принадлежать к коммунистической партии ПОРП и другим партиям и организациям, подконтрольным коммунистам.

Вторая важная черта положения о выборах – мажоритарная система двухтурового голосования в Сейм и альтернативная система многомандатного округа с преференциями в случае Сената versus любая версия пропор-

циональной системы (ПС) — неожиданно осталась вне поля зрения “Солидарности” и ее переговорной группы. Однако разные секретные документы ПОРП и решительные заявления основных коммунистических политиков свидетельствуют о том, что для них это было очень важным делом, и ему уделяли значительное внимание во время заседаний Политбюро и Центрального Комитета ПОРП [53; 64]. Детали обсуждаемого пропорционального метода не оглашались.

Пропорциональная система оказалась неприемлемой для коммунистов по двум причинам. Во-первых, подобная система, опирающаяся на списки избирателей, повлекла бы легализацию оппозиционных партий, а этому шагу коммунисты упорно противились [33, с. 18]. Напомним, что выборы по МС происходят с участием кандидатов, не обязательно связанных с партиями, тогда как выборы в условиях ПС требуют, по сути, участия партий или подобных организаций. Во-вторых, троянским конем коммунистов являются кандидаты на свободные мандаты, которые привлекались из среды популярных актеров, писателей и звезд телевидения — беспартийных союзников коммунистов, которых на заседаниях коммунистических лидеров называли “обезьянами” [64, с. 48]. Коммунисты верили, что “обезьяны” получат несколько высшие результаты при более персонально ориентированных МС или АСМОП, чем при ПС. Рейковский, основной автор коммунистического положения о выборах, вспоминает, что его “аварийный”, в последнюю минуту представленный проект пропорционального положения о выборах в Сенат, который он предложил генералу Ярузельскому на секретном заседании, был отклонен именно из-за этого [53, с. 42–43]. На тот момент Рейковский небезосновательно предполагал, что АСМОП принесет коммунистам поражение.

Расчет распределения мандатов по альтернативному избирательному положению очевидным образом зависит от принятой величины округов и метода распределения мест. Имитации разных авторов, приведенные ниже, не определяют этих параметров и вычисляют только процент голосов, отданных за коммунистических кандидатов. Таким образом, в таблице 2 представлены различные расчеты выигрыша при альтернативной пропорциональной системе как относительный процент участия “Солидарности” и коммунистических кандидатов в общем количестве голосов, отданных за мандаты со свободной квотой¹.

“Солидарность” умело использовала возможности, созданные 35-процентной квотой, и получила все свободные мандаты в Сейме, а также 99 из 100 сенатских мандатов. Блокировочная способность, полученная профсоюзом в парламенте, привела к десятидневному пату во время формирования кабинета министров, распаду коммунистической коалиции, образованию первого некоммунистического правительства и раскрутила революционную спираль 1989 года в других странах Восточной Европы. При альтернативном пропорциональном положении коммунисты достигли бы гораздо лучших результатов. Скорее всего, они бы сохранили контроль над всеми основными парламентскими играми, защитив таким образом — по крайней мере на какое-то время — систему от падения [28].

---

¹ Официальные данные недоступны. При наличии двух игроков, обладающих значительной поддержкой, имитации результатов мало зависят от вида формулы ПС при условии, что большинство округов являются хотя бы 5–6-мандатными.

Таблица 2

Реальное распределение мандатов основных игроков на выборах 1989 года и возможное при альтернативном положении о выборах (%)

Основные игроки	Выборы 4 июня 1989 года S_i^q	Имитации расклада при пропорциональном положении S_i^p			Показатели поддержки, 4 апреля 1989 года (v_i)	Выигрыш γ_i ($S_i^q - S_i^p$) v_i
		По С.Гебетнеру	По П.Квятковскому	По М.Каминьскому		
СЕЙМ						
<i>Коммунистическая коалиция</i>	65	74,5	74,7	74,1	1	-9,43
“Солидарность”	35	25,5	25,3	25,9	?	?
СЕНАТ						
<i>Коммунистическая коалиция</i>	1	27,2	23,9		1	-24,55
“Солидарность”	99	72,8	76,1		?	?

Источники: [57, с. 20–38; 20; 50, с. 118; 34, с. 370; 28, с. 105; 33, с. 18; 64, с. 46–48; 53, с. 42–43].

Примечания: в столбце “Поддержка” “1” означает поддержку принятого положения о выборах; “?” означает отсутствие данных. В колонке “Выигрыш” S_i^p означает среднее количество возможных при альтернативном пропорциональном положении о выборах мандатов (согласно с приведенными имитациями). Выделенные курсивом строки касаются игроков, избравших менее полезное для себя положение о выборах.

Сейм и Сенат в 1991 году

Соглашение Круглого стола определяло, что новое положение о выборах вступит в силу только на время выборов 1989 года. Переговоры относительно нового положения начались в начале 1990 года, как только политические акторы убедились в окончательном развале коммунистического строя в Восточной Европе. Рассматривалось и положение о выборах в Сейм и Сенат. Окончательная версия положения о выборах в Сенат ввела незначительные модификации по отношению к версии 1989 года (см. табл. 3).

Таблица 3

Основные параметры положения о выборах в Сенат, действовавшего в 1991 году, и альтернативного смешанного мажоритарно-пропорционального положения

Структура округов	Категории округов	
	Двухмандатные	Трехмандатные
Количество округов	47	2
Мандаты по округам (суммарно)	94	6
Методы распределения мандатов	АСМО ^а	АСМО
Альтернативное положение о выборах	Смешанное мажоритарно-пропорциональное положение, 49 мандатов, ОСОБ, 51-мандатный округ, СПС-ГН.	

Источник: [17, ст.246].

^а АСМО — альтернативная система многомандатного округа; ОСОБ — одномандатная система относительного большинства; СПС-ГН — система партийных списков с распределением мандатов по методу Гера–Нимейера.

Положение о выборах в Сенат было быстро утверждено 10 мая. Основным объектом переговоров был уровень пропорциональности избирательного положения. Окончательную версию приняли скорее случайно. Сначала с преимуществом 156:146 выиграло альтернативное смешанное положение ПС/МС. Однако во время голосования один из противников этого положения, оказавшись в верхних рядах Сейма, которые занимали сторонники ПС/МС, заметил, что кое-кто из них, голосуя, нажимал кнопки за своих отсутствующих коллег. При повторном голосовании поднятием рук выиграла альтернативная система многомандатного округа с предпочтениями (АСМОП) с незначительным преимуществом 142:141 [59]¹.

Таблица 4

**Реальное распределение мандатов основных игроков
на выборах в Сенат 1991 года и возможное при альтернативном
мажоритарно-пропорциональном положении (%)**

Основные игроки (партии)	Выборы 27 октября 1991 года (S_i^q)	Имитации расклада по избирательному положению (S_i^p)	Поддержка 20 мая 1991 (v_i)	Выигрыш γ_i ($S_i^q - S_i^p$) v_i
ДУ	21	17	-1	-4
СДЛ	4	10	-1	+6
ВКА	9	11	+1	-2
ПНП	7	7	-1	0
ЦПП	9	14	+1	-5
ЛДК	6	9	+1	-3
ЧП	5	6	+1	-1
“Солидарность”	11	8	+1	+3
ХДП	3	2	-1	-1
ПЯСТ	1	1	?	-
Немецкое меньшинство	1	1	?	-
КНД	19	8	+1	+11

Источники: [21, с. 72; 48; 32].

Примечания: Идентичность игроков регистрировалась во время выборов. В таблице представлены только стабильные партии и коалиции партий (названия основных игроков см. в Приложении), принимавшие участие в выборах 1991 года. В колонке “Поддержка” “+1” означает голосование за принятое положение о выборах; “-1” означает голосование против положения 1991 года в пользу альтернативного; “?” означает отсутствие данных.

Таблица 4 показывает, что шесть из десяти игроков поддерживали положение о выборах в Сенат, которое, как свидетельствуют имитации, оказалось для них менее выгодным *ex post*; количество мандатов одного игрока идентично при обоих положениях; три игрока поддерживали положение, которое было для них *ex post* гораздо выгоднее. В эту вторую группу вошли представители Клуба независимых депутатов (КНД), не нуждавшиеся в

¹ О способе имитации см. : [21].

подсчетах, чтобы понять, что пропорциональный метод, требующий партийных списков, не улучшит их ситуации. Фрагментарность политического поля как результат выборов 1991 года по новой избирательной системе, оказалась кратковременной. Партии, чьи лидеры учитывали и обсуждали вопросы консолидации в начале 1991 года, не имели мотивации для образования коалиции при новом положении. Эффективное количество политических партий достигло рекордной величины — 10,7¹. Два следующих года после парламентских выборов ознаменовались сменой четырех кабинетов, балансировавших на грани банкротства в течение всего времени правления.

Идентичность игроков во время парламентского голосования соотносилась с парламентскими партиями. Некоторые названия были другими во время голосования. Независимые сенаторы рассматриваются как независимая единица, поскольку во время голосования они представляли парламентский клуб, действовавший как “беспартийная партия” КНД. Курсив выделяет игроков, выбравших менее выгодное для себя положение.

Замечания относительно положения о выборах в Сейм 1991 года

Случай выборов 1991 года не соответствует нашим тезисам по двум причинам. Во-первых, внешние факторы влияли на решение партии о поддержке положения. Тогда как положение о выборах в Сенат было внутренним делом парламента, избирательное положение в Сейм стало объектом интереса президента Валенсы. Фактором, вызвавшим больше всего эмоций, оказались рамки контроля президента за ходом выборов и комиссией, которая подсчитывает голоса. Способ пересчета голосов на мандаты был менее важным. В определенный момент президент представил парламенту две опции: одна из них была менее, а вторая — более пропорциональной по сравнению со status quo. Борьба за положение о выборах вызвала политический кризис, вето со стороны президента и, наконец, попытку изменить положение путем изменения конституции. Возникла угроза роспуска парламента и даже использование армии. Окончательное голосование относительно положения о выборах происходило под сильным давлением, главное было — принять хоть какое-нибудь положение, лишь бы преодолеть вето Валенсы².

Во-вторых, альтернативное положение о выборах трудно идентифицировать. Положение от 1989 года нельзя принять за точку отсчета, поскольку его вводили для одноразового голосования. С 10 мая по 11 июня состоялось пять важных сессий голосований по поводу новых проектов или вето, а на последней, шестой сессии отклонили президентский проект изменения конституции, содержащий также поправки относительно положения о выборах. Во время второй, четвертой и пятой сессий большинство, необходимое для отмены президентского или сенатского вето, должно составлять $\frac{2}{3}$. Во время третьей сес-

¹ Эффективное количество политических партий (ENPP), служащее показателем фрагментаризации политического поля, определяется как $ENPP = 1 / \sum_{i=1}^n p_i^2$, где p_i означает процент полученных партией i мандатов [35]. Величина показателя отражает степень фрагментаризации. В Соединенных Штатах ENPP составляет около 2.

² К.Бенуа и Ж.Хайден [3] определяют долю партий, принявших решение, которое ex ante отвечало максимизации количества мандатов для одного из голосований сессии 1991 года, как равную 0,54. Такой результат подтверждает гипотезу о том, что процесс принятия решения не был мотивирован только распределением мандатов.

сии потребовалась всего треть. Самое важное конкурентное положение, представленное Сейму на четвертой сессии Сенатом, основывалось на президентском проекте. Оно сочетало существенное укрепление власти президента с незначительным изменением способа пересчета голосов на мандаты¹.

Сейм в 1993 году

Положение о выборах 1991 года широко критиковали за то, что оно привело к фрагментаризации политического поля. Вскоре образовалась коалиция реформаторов. Первый проект Демократической унии, крупнейшей в тот момент партии, которая отстаивала идею смешанной, мажоритарно-пропорциональной избирательной системы еще с начала 1990 года, был отвергнут всеми остальными партиями. Следующий, более реалистичный проект был построен с учетом широкого круга потенциальных бенефициентов. Окончательная коалиция из семи партий сформировалась во время длительного периода притирок и торгов, касавшихся разных параметров положения. В нее вошли как посткоммунисты, так и рьяные антикоммунисты. Положение было принято подавляющим большинством в Сейме 15 апреля 1993 года. Меньшие партии определяли его как “ленивое решение”, “электоральное мошенничество”, “диктатура больших партий” [10, с. 107–108].

Сеймовская коалиция не имела большинства в Сенате, и проект вернулся в Сейм с серьезными поправками. Окончательное голосование в Сейме, принципиально изменившее оригинальную версию, состоялось во время важных политических событий 28 мая 1993 года. В один день правительство Сухоцкой было отправлено в отставку большинством в один голос. Правительство смогло бы удержаться, если бы не внезапное расстройство желудка у министра юстиции, который опоздал на голосование на несколько секунд. На следующий день президент Валенса распустил парламент. В итоге положение о выборах, которое должно было вступить в силу во время предстоящих выборов 1995 года, неожиданно применили уже через четыре месяца в сентябре 1993 года.

Новое положение о выборах также было пропорциональным, однако три основные поправки давали значительные преимущества крупным партиям. Высокие избирательные барьеры исключили партии поменьше из окончательного распределения мандатов. Новая формула распределения мандатов оказалась более привлекательной для больших партий. Значительно уменьшился средний размер округов.

По-настоящему альтернативным положением было положение, действовавшее с 1991 года (см.: табл. 5).

Размежевание и объединение в парламенте, непродолжительные избирательные коалиции были характерными особенностями того периода, когда быстро изменялись идентичности политических игроков. На момент голосования положения о выборах 1993 года в парламенте насчитывалось 18 клубов и группировок. На выборах стартовало 15 основных партий и партийных коалиций. Основные парламентские партии пошли на выборы под

---

¹ В этом проекте метод Гера–Нимейера был заменен системой партийных списков с распределением мандатов по формуле Сент-Лагю (СПС-СЛ). Имитации после выборов показывают, что около 8,3% мандатов изменили бы владельцев в результате применения этого метода [21, с. 62]. Подсчеты автора показывают, что для данного проекта $\pi \approx 0,5$, а $\gamma \approx 0$. То есть рассмотрение этого случая не повлияло бы на результаты, представленные далее.

собственными лозунгами. Несколько игроков создали коалицию, другие сменили названия. Во всех случаях новообразованные коалиции объединяли игроков, голосовавших одинаково относительно нового положения о выборах. Среди 15 избирательных комитетов были представлены одна новая партия и две внепарламентские. Таблица 6 подает игроков с их самоопределениями, установленными во время выборов¹.

Таблица 5

Основные параметры положения о выборах в Сейм во время выборов 1993 года и альтернативного положения от 1991 года

Структура округов	Категории округов	
	Региональные	Общегосударственный список
Количество округов	52	1
Мандаты по округам (сумма)	391	69
<i>Общегосударственные барьеры</i>		
Партия или комитет	5%	7%
Коалиция партий	8%	7%
Комитет меньшинства ^a	0% или 5%	0% или 7%
<i>Методы голосования^b</i>	СПС-ПД	СПС-Д ^c
Альтернативное положение о выборах от 1991 года		
Структура округов	Категории округов	
	Региональные	Общегосударственный список
Количество округов	37	1
Мандаты по округам (сумма)	391	69
<i>Общегосударственные барьеры</i>	0%	5% ^d
<i>Методы голосования^b</i>	СПС-ПГН	СПС-СЛ

Источник: [18, ст.252; 16, ст. 205].

Примечания:

^a Комитеты меньшинства могли выбрать один непреодолимый для них барьер.

^b СПС-ПД — система партийных списков с предпочтениями и распределением мандатов по методу д'Ондта, СПС-Д — система партийных списков с распределением д'Ондта, СПС-ПГН — система партийных списков с предпочтениями и распределением Гера-Нимейера, СПС-СЛ — система партийных списков с распределением Сент-Лагю².

^c Голоса, которые определяли распределение мандатов в рамках общего списка, равнялись сумме голосов, отданных по спискам в региональных округах.

^d Либо получение мандатов по крайней мере в пяти региональных округах.

¹ В имитациях положение о выборах 1991 года было применено к существующей партийной системе и голосам 1993 года. Голоса в округах были разбиты по районам, которые затем объединили так, чтобы воссоздать структуру 37 округов 1991 года. Никаких поправок на стратегическое голосование не предполагалось [22, с. 21].

² Подробнее см.: *Kamiński M.M. Czy partie korzystają na manipulacjach systemem wyborczym? Ordynacje wyborcze i herestetyka w Polsce w latach 1989–1993 // Studia socjologiczne. — 2002. — 2(165). — S. 39–77.*

Таблица 6

Реальное распределение мандатов основных игроков в выборах 1993 года и определенное в соответствии с альтернативным положением от 1991 года (%)

Основные игроки (партии)	Выборы 19 сентября 1993 (S_i^q)	Имитации распределения по избирательному положению 1991 года (S_i^p)	Показатели поддержки на 15 апреля 1993 (v_i)	Выигрыш γ_i ($S_i^q - S_i^p$) v_i
ЦП	0,0	4,6	+1	-4,6
“Отчизна”	0,0	8,3	-1	+8,3
ПНП-НП	0,0	1,7	-1	+1,7
КНП	4,8	7,3	+1	-2,5
СДЛ	37,2	20,9	+1	+16,3
ПНП	28,7	16,1	+1	+12,6
ЛДК	0,0	3,3	+1	-3,3
“Солидарность”	0,0	5,5	-1	+5,5
ДУ	16,1	11,5	+1	+4,6
УП	8,9	8,5	-1	-0,4
УРП	0,0	2,2	-1	+0,9
ЛдРП	0,0	0,9	-1	+0,9
Немецкое меньшинство	0,9	0,9	+1	0

Источники: [40; 22; 41].

Примечания: Идентичности игроков регистрировались во время выборов (названия основных игроков см. в Приложении). В таблице представлены только стабильные партии, принимавшие участие в выборах 1993 года. В колонке “Поддержка” “+1” означает голосование за принятое положение о выборах; “-1” означает голосование против положения 1993 года в пользу альтернативного. Идентичности игроков во время парламентского голосования были соотнесены с парламентскими партиями; некоторые названия были другими во время голосования. Курсив указывает на игроков, выбравших менее выгодное для себя положение.

Распределение мандатов при прежнем положении было бы диаметрально противоположным. В четырех случаях комитеты поддерживали положение, которое принесло бы им меньше мандатов. Восемь комитетов поддерживали ex post более выгодное положение. Один из комитетов, связанный с “Отчизной”, учитывал эффект “воскресной службы”. Группировка, составлявшая основу “Отчизны”, голосовала против нового избирательного положения, поскольку оно допускало кроме воскресенья, также и субботу как возможный день выборов. Беспокойство оказалось напрасным, поскольку выборы состоялись именно в воскресенье. “Отчизна” допустила ошибку ex ante, зарегистрировавшись как коалиция, а не как избирательный комитет. Результат выборов для нее оказался ниже барьера для коалиции, но выше барьера для комитетов.

Ближайшие политические последствия нового положения, по сравнению со старым, оказались огромными. Две посткоммунистические партии получили нужное большинство мандатов в Сейм (65,9%), набрав всего 35,8% голо-

сов, и вернули свою политическую значимость. После раздела постсолидарностные правые окончательно проиграли. При старом положении посткоммунистические партии не получили бы большинства в Сейме, и правительство, скорее всего, было бы образовано из партий постсолидарности [30].

Выводы: эффективность избирательной инженерии в Польше (1989–1993)

Выводы основаны на показателях эффективности для различных группировок сторонников и противников всех четырех анализируемых реформ избирательного положения. В таблицах 2, 4, 6 приведены соответствующие данные. Эти показатели можно интерпретировать двояко: во-первых, они дают исчерпывающее описание польских случаев, а во-вторых, их можно использовать для определенных оценок, касающихся партийных систем новых демократий¹.

Окончательные решения в плане поддержки изменения положения во всех случаях были результатом длительных внутрипартийных дебатов, которые опирались на экспертов, опросы и использование имитационных методов. Напомним, что величина π принадлежит к $[0, 1]$, где $\frac{1}{2}$ означает ситуацию, когда игроки поддерживали *ex post* более выгодные для них положения в половине случаев. Чем большей является величина π , тем чаще игроки поддерживали более выгодное положение. Для показателя γ величина 0 означает случай, когда в среднем никто не выиграл и никто не проиграл от поддерживаемого избирательного закона. Для положительного γ большая величина означает больший средний выигрыш для партии от поддерживаемого окончательного варианта. Меньшее число означает незначительные выигрыш (+) или потерю (-).

Обобщенные величины показателей для четырех случаев изменения положения о выборах в Польше в 1989, 1991 и 1993 годах приведены в таблице 7.

Показатели среднего УСПЕХА поражают. Партии достигли ненамного лучших результатов, чем в случае, если бы решение принималось подбрасыванием монетки, а не базировалось на выводах экспертов. Нельзя отвергать нулевой гипотезы, когда вероятность успеха равна $\frac{1}{2}$ (p-value для двухмерного теста равно 1!). Эффект оказывается весьма значительным для тех, кто поддерживал изменение избирательного положения, тогда как противники изменения достигли определенного успеха в идентификации *ex post* более

¹ Для тестирования значимости уточняем следующие переменные на основании таблиц 2, 4 и 6: УСПЕХ ($\pi_i = 1$, если $\gamma_i > 0$; $\pi_i = 0$, если $\gamma_i < 0$); ПОДДЕРЖКА ($s_i = 1$ или -1); ВЫИГРЫШ (γ_i); ГОД (1989, 1991, 1993); ПРОГРАММА (левые: коммунистическая коалиция, СД, УП; сельские: коммунистическая коалиция, ПНП, ПНП-НП, НП; центристские: ДУ, "Солидарность", ЛДК; правые: УРП, КдРП, КНП, ЦС, "Отчизна", ИКА, ЦГС, ХДП; другие: Немецкое меньшинство, КНД; ГЕНЕЗИС (коммунистические: НС, ПНП, коммунистическая коалиция; входящие в "Солидарность": УП, "Солидарность", ЛДК, СДЛ, ПНП-НС, КдРП, ЦС, "Отчизна", ИКА, ЦГС, ХДП, ДУ; другие: КНП, УРП, Немецкое меньшинство, КНД; названия основных игроков см. в Приложении). Случай $\gamma_i = 0$ учитывается в показателе π со значением $\frac{1}{2}$, тогда как в переменной "УСПЕХ" он учитывается как недостаточность данных. Коммунистическая коалиция учтена дважды (как левая и как сельская партии) с учетом соответствующего отношения.

выгодного положения о выборах. Величина среднего ВЫИГРЫША остается соответствующей величине среднего УСПЕХА. Альтернативное положение о выборах принесло бы несколько лучший результат как сторонникам изменения, так и его противникам. Для всех игроков средний ВЫИГРЫШ от поддерживаемого ими положения является положительным, но его величина незначительна и статистически не значима ($p = 0,777$). Результаты можно интерпретировать как абсолютный проигрыш партий в идентификации ex post более выгодной для них избирательной системы.

Таблица 7

Результативность манипуляций для разных группировок игроков

ПОДДЕРЖКА	Средний УСПЕХ, π	Средний ВЫИГРЫШ, γ	Количество наблюдений
Сторонники ($s_i = 1$)	0,37	-0,53	15
Противники ($s_i = -1$)	0,65	1,9	10
Сторонники + Противники	0,48	0,45	25

Источники: таблицы 2, 4, 6.

Примечания: Два случая с $\gamma_i = 0$ получили значение $1/2$ при определении π , но их изъяли из теста значимости для среднего УСПЕХА.

Тесты значимости: двухмерный тест для переменной УСПЕХ, $\pi_0 = 1/2$ (двухсторонний) $p^1 = 1$; t-тест для переменной ВЫИГРЫШ, $\gamma_0 = 0$ (двухсторонний) $p^2 = 0,777$; χ^2 относительно независимости переменных ПОДДЕРЖКА и УСПЕХ $p^3 = 0,147$; t-тест для уравнения для средних ВЫИГРЫШ и ПОДДЕРЖКА (двухсторонний, равные варианты не учитывались) $p^4 = 0,46$.

Любопытную зависимость можно заметить, если подсчитать показатели отдельно для каждого из трех лет избирательной реформы (см. табл. 8).

Таблица 8

Результативность манипуляций 1989, 1991 и 1993 годов

ГОД	Средний УСПЕХ, π	Средний ВЫИГРЫШ, γ	Количество наблюдений
1989	0	-17	2
1991	0,35	0,4	10
1993	0,65	3,18	13

Источник: таблицы 2, 4 и 6.

Примечания: Два случая с $\gamma_0 = 0$ имели значение $1/2$ при определении π , но их изъяли из теста значимости для среднего УСПЕХА.

Тест значимости: F-тест для уравнения средних переменной ВЫИГРЫШ с учетом ГОДА $p^5 = 0,001$; χ^2 для независимости переменных УСПЕХ и ГОД $p^6 = 0,117$.

Оба показателя демонстрируют рост эффективности манипуляций с течением времени (с куда более существенными различиями переменной ВЫИГРЫШ: $p = 0,001$). Наибольшая эффективность выявлена в выборах 1993 года, хотя не ожидалось больших изменений в предпочтениях избирателей, которые бы обусловили поражение отдельных сторонников нового положения о выборах. Партии выглядели как все более методологически подкованные, а их эксперты все лучше и лучше анализировали последствия избирательных реформ. Другим фактором стала большая точность опросов,

поскольку социологические агентства вводили новую методику подсчетов поддержки партий во фрагментаризированной партийной системе [61].

Наконец, можно сравнить результативность манипуляций для разных типов партий (см. табл. 9). Партии были поделены на четыре категории на основании их ПРОГРАММ и на две категории, исходя из ГЕНЕЗИСА.

Таблица 9

Результативность манипуляций для разных типов партий

Группы игроков	Средний УСПЕХ, π^b	Средний ВЫИГРЫШ, γ	Количество наблюдений
Партии с учетом ПРОГРАММЫ			
Левые ^a	0,4	-0,51	5
Крестьянские ^a	0,42	0,6	6
Центристские	0,5	0,47	6
Правые	0,375	-0,46	8
Партии, исходя из ГЕНЕЗИСА			
Коммунистические	0,58	0,15	6
Принадлежащие к "Солидарности"	0,4	-0,02	15

Источник: таблицы 2, 4 и 6.

Примечания:

^a Средние потери коммунистической коалиции в выборах 1989 года были отнесены к крестьянским и левым партиям в соответствии с долей мандатов ОНП относительно доли мандатов ПОРП с остальными союзниками, принадлежащими к коммунистической коалиции, то есть соответственно 0,28 и 0,72. Коммунистическую коалицию дифференцировали как крестьянскую и как левую партии относительно переменных ПРОГРАММА и УСПЕХ.

^b Два случая с $\gamma_0 = 0$ имели значение $\frac{1}{2}$ при определении π , но их изъяли из теста значимости для среднего УСПЕХА.
Тесты значимости: F-тест для уравнения средних переменных ВЫИГРЫШ с учетом ПРОГРАММЫ и ГЕНЕЗИСА: соответственно $p_7 = 0,877$ и $p_8 = 0,840$; χ^2 для независимых переменных УСПЕХ и ПРОГРАММА, а также ГЕНЕЗИС: соответственно $p^9 = 0,816$ и $p^{10} = 0,579$.

Невозможно определить никаких математических зависимостей. Показатели успехов несколько отличаются, но для всех категорий партий равняются примерно половине. Средний ВЫИГРЫШ приближается к нулю во всех случаях. Все p-value для тестов независимости переменных ВЫИГРЫШ и УСПЕХ от переменных ПРОГРАММА и ГЕНЕЗИС очень высоки. Однако, учитывая незначительный объем исследований, может статься, что использованные тесты окажутся неточными, а значит, нельзя исключить существования зависимости при большем объеме исследуемых партий в условиях других новых демократий.

Комментарий

Удивительную неспособность партий выделить и поддержать именно те избирательные положения, которые оказались для них ex post более выгодными, можно объяснить действием нескольких факторов, уменьшающих прогностическую ценность вычисления результатов выборов, осуще-

ствляемых при изменении положений. Во-первых, методологические и методические средства, которыми могли оперировать игроки в условиях рождающихся демократий, были ограниченными. Во-вторых, решающие параметры игры — электоральная поддержка и структура партийной системы — часто неожиданно менялись буквально накануне выборов. Оба эти явления связаны друг с другом вследствие институционализации партий в нестабильных партийных системах. Наконец, опросы предоставляли данные, которые грешили многочисленными систематическими ошибками.

Незнание сути избирательного положения. Этот эффект был особенно ощутим в первых выборах 1989 года. Однако признаков некомпетентности среди ключевых игроков в дальнейших выборах не наблюдалось¹.

Напомним, что коммунисты в 1989 году отдавали предпочтение мажоритарной системе перед пропорциональной по двум причинам. Во-первых, они пытались избежать связанной с пропорциональным методом легализации политических партий, а во-вторых, предпринимали попытки “персонализировать” выборы. То есть надеялись, что их “обезьяны” — популярные актеры, писатели, телезвезды, которые были “беспартийными друзьями коммунистов” — выигрывают для них выборы [64, с. 48]. Неинформированность коммунистов стала явной, когда они прозевали конкретное избирательное положение, которое могло решить обе их проблемы и имело бы все преимущества пропорциональной системы. В условиях малых округов оно принесло бы коммунистам близкое к максимальному количество мандатов в обеих палатах².

Слабая сформированность партий и недостаточное знание их названий. Р.Мозер [43] считает, что слабая институционализация партий явилась основным фактором неожиданных последствий положения о выборах в России. Слабые партии не имеют лояльных избирателей и не создают преград, способных защитить их от выхода на политическую сцену новых игроков. Слабость партий можно считать общим знаменателем двух явлений, оказавшихся очень важными: внезапных изменений партийной системы и неожиданных изменений избирательных предпочтений.

Внезапные изменения партийной системы были решающими факторами в 1991 и 1993 годах. В 1991 году вся партийная система выкристаллизовалась в течение последних месяцев перед выборами. Среди избирательных коалиций, образованных после принятия положения о выборах в Сенат, были: Союз демократических левых, Избирательная католическая акция, Польская народная партия — Народное согласие, Центр гражданского согласия, Христианские демократы с суммарной поддержкой более 40% голо-

---

¹ В демократических условиях партийные эксперты учились быстро. В 1990 году автор участвовал в семинаре для политиков и ученых “Кампании и выборы”. Его участниками были будущие избирательные эксперты крупнейших партий. После первого дня работы семинара автор оказался свидетелем импровизированного просветления мозгов. Политики одной из основных партий умело воспользовались новыми знаниями для разработки проекта избирательного положения, наиболее выгодного для собственной партии.

² В модели принятия решений, предложенной в [28], такая стратегия выбора сопоставлялась с мажоритарной системой. Ведущий коммунистический политик признал, что он и его коллеги не знали подобных стратегий [64].

сов. Кроме того, в момент голосования, 10 мая, игроки надеялись на предполагаемую консолидацию политической сцены в результате предлагавшегося положения о выборах в Сейм, которое давало преимущество крупным партиям. Из-за конфликта с президентом Валенсой вместо этого положения было окончательно принято более пропорциональное положение, и консолидации не произошло.

В 1993 году в течение четырех месяцев, отделявших голосование о новом положении о выборах от выборов, с правой стороны политической сцены появились два новых игрока. Профессиональный союз “Солидарность” неожиданно решил стартовать на выборах, а президент Валенса основал Беспартийный блок поддержки реформ. Новые комитеты набрали в совокупности 10,3% голосов (тогда как все правые партии получили 26,2% голосов), и это повлекло за собой дальнейшее дробление поддержки правых.

Неожиданные изменения избирательных предпочтений сыграли важную роль в 1989 и 1993 годах. В 1989-м соотношение предполагаемой поддержки коммунистической коалиции ПОРП и “Солидарности” во время выборов составляло 1:3¹. Маловероятно, что лидеры ПОРП поддерживали бы мажоритарное положение, окажись в их распоряжении более точные расчеты. В выборах 1993 года совокупная поддержка посткоммунистической партии и ее давнего союзника, крестьянской партии, возросла с 27% при принятии избирательного положения до 36% во время выборов. Такое увеличение привело к тому, что некоторые правые партии оказались ниже минимального барьера, дающего право на участие в разделе мандатов.

Искажение результатов электоральных опросов. Независимо от фактических изменений в избирательных предпочтениях, результаты опросов искажались вследствие системных погрешностей, снижавших их достоверность. Часто такое искажение трудно отличить от текущих изменений предпочтений. Однако можно определить по крайней мере два системных эффекта: переоценка поддержки для коммунистов и расхождение между результатами опросов и действительными результатами голосования во фрагментированной партийной системе 1991 и 1993 годов. Оба эффекта систематически искажали расчеты. Проблемы такого рода возникали во всех четырех случаях изменения положений, рассматривающихся в этой статье. Они в полной мере были идентифицированы политиками, исследователями и учеными, но это произошло гораздо позже, чем назрели проблемы.

Накануне 1989 года польские опросы общественного мнения свидетельствовали о весомой поддержке коммунистических лидеров. Но она расплылась во время выборов. Первым и очевидным фактором искажения результатов опросов было нежелание респондентов высказывать свое действительное мнение. Во-вторых, антирежимно настроенные респонденты могли вообще отказываться от ответа. Количество отказов отвечать в Польше подскочило с 3–14% перед возникновением “Солидарности” в 1980 году до 30% после введения военного положения в 1981-м [39]. Факт существо-

¹ Секретный отчет коммунистических экспертов свидетельствует о том, что “[в начале переговоров] предполагалось на основании разных эмпирических данных, что ПОРП совместно с союзниками будет иметь поддержку около 30% электората; оппозиция, согласно с предварительными данными, имела поддержку 20–25% электората, хотя ее результаты улучшились” [47, с. 445].

вания монопольного доступа официальной пропаганды к масс-медиа также снижал результаты оппозиции. Этот эффект стал слабее в ходе кампании. Все перечисленные факторы в совокупности создали для власти иллюзию замечательных перспектив в плане выборов [28].

Опросы накануне результатов выборов 1991 года оказались радикально неточными. Перед самими выборами крупнейшая партия Демократическая уния получила свыше 25% голосов в опросах. Однако на выборах ее поддержка снизилась до 12%. После выборов результаты ДУ снова повысились¹. Аналогичная проблема в меньшей мере наблюдалась в 1993 году². В этих выборах обострились проблемы определения поддержки избирательной коалиции нескольких партий.

С точки зрения более поздней перспективы, наиболее сложную проблему представляла тенденция опросов к преувеличению поддержки центристских партий за счет “крайних” — посткоммунистических и правых. Все эти эффекты в итоге были выявлены исследователями и часто определялись как “политический шум” эффекта дробления. Такой шум создавали более благосклонное, согласно основным опросам накануне выборов, отношение или большее внимание масс-медиа к центристским силам и крупным партиям *versus* равный доступ к СМИ в ходе кампании, незнание избирателями новых игроков, появившихся в последний момент, изменчивая коалиционная структура и систематическое нивелирование поддержки менее модных партий [см., напр.: 45].

Положение о выборах: стратегические ошибки и неожиданные последствия

А. Лейпхарт [36] считает, что выбор избирательной системы, и особенно выбор между пропорциональным и мажоритарным положениями, — чуть ли не самый важный из конституционных выборов, которые необходимо сделать для утверждения демократии. Ход событий в новых демократиях подтверждает эту мысль. Реформы положений о выборах часто приводили к важным и непредвиденным политическим последствиям и нередко ударяли по их инициаторам.

В Эстонии византийское положение о выборах 1992 года изъяло из процесса около половины наиболее поддерживаемых народом кандидатов [24]. В первых конкурентных выборах в России в 1993 году положение о выборах было задумано так, чтобы помочь прореформистским партиям. Вместо это-

---

¹ Типичный опрос, проведенный за несколько дней до октябрьских выборов 1991 года, демонстрировал следующие прогнозы (в скобках приведены реальные результаты): центристские партии: ДУ — 15,9% (12,3%) и “Солидарность” — 13,1% (5%); посткоммунистическая СДЛ — 4,4% (12%); правая ИКА — 2,5% (10,9%) и ЦС — 7,1% (9,6%) [21, с. 22]. Интересно, что аналогичный эффект зафиксирован даже в более поздних исследованиях, когда респондентов просили воспроизвести, как они голосовали: ДУ — 23,2% (12,3%) и “Солидарность” — 13,2% (5%); посткоммунистическая СДЛ — 7,6% (12%); ИКА — 3,6% (9,6%) и ЦС — 3,7% (9,6%) [8] (исследование проведено в 1992 году).

² Средняя поддержка, согласно основным предвыборным опросам относительно четырех ведущих правых партий и коалиции, равнялась 11%, а на выборах составила 16% [27; 28].

го оно помогло националистической ЛДПР Жириновского [43]. В чехословацких выборах 1992 года барьеры, введенные при изменении положения, помешали большинству партий, которые поддерживали реформы, вернуться в парламент [60]. В целом, восточноевропейские «правящие партии допустили ряд систематических ошибок в оценке как своих избирательных перспектив, так и влияния законодательных барьеров на собственную часть парламентских мандатов» [42, с. 168].

Даже в таких развитых демократических государствах, как Новая Зеландия, партиям доводилось прибегать к изменениям избирательного законодательства, которые со временем оказывались для них ощутимо невыгодными [44]. Однако в Восточной Европе проигрышные варианты проектирования более выгодных положений превратились в правило.

Чем вызвана такая нерезультатность в проектировании, которая вредит партийным политическим интересам? Можно назвать как минимум три эмпирически обоснованные обобщения, которые отвечают конкретным проблемам, выявленным в польских выборах: преувеличение собственной поддержки демократизирующимся авторитарным режимом, крайне нестабильные электоральные предпочтения, а также неустойчивость партийной системы.

Во-первых, существуют данные, свидетельствующие о том, что диктаторы, вступив на путь демократизации, и авторитарные лидеры систематически преувеличивают свою поддержку во время избирательных кампаний [49; 23]. По крайней мере отчасти этот эффект можно объяснить искажением результатов опросов общественного мнения, что анализируется в части «Комментарий». Венгерские коммунисты, подобно своим польским коллегам, решительно поддерживали положение, при котором «потерпели бы абсолютное поражение» [4, с.169]. Поддержка коммунистических партий снизилась с 32% во время переговоров по поводу положения в 1989 году до 10% в ходе мартовско-апрельских выборов 1990 года и не дала ожидаемых от положения о выборах результатов [26, с. 4].

Во-вторых, весьма существенные изменения избирательных предпочтений искажают предварительные расчеты. В литературе находим подтверждение того, что значительные изменения электоральных предпочтений в новых демократиях имеют решающее значение для избирательной инженерии¹. Иногда изменения поддержки были радикальными и происходили в последние недели кампании. В России «невиданный переход Владимира Путина из политического небытия на позицию бесспорного лидера президентской кампании был зеркальным отражением возрастания поддержки Ельцина, согласно опросам во время кампании 1996 года» [43, с. 155].

В-третьих, новообразованные партийные системы пребывают в состоянии изменения. Возникновение новых партий, легализация ранее нелегальных партий и коалиций, диффузность, деления, распад партий и выход их из выборов в таких системах оказываются важными политическими событиями, которые зачастую привлекают больше внимания, нежели провозглаша-

¹ См.: [23, с. 19; 24, с. 24; 42, с. 18]. Т.Ремингтон и С.С.Смит [52, с. 483] считают, что «кратковременные партийные и программные предпочтения российского электората усложнили для политических стратегов задачи приспособления избирательных институций к собственным интересам».

емые партийные программы¹. Изменения идентичности ощутимее всего интенсифицируются в последние месяцы перед выборами, и это также снижает точность расчетов партий, меняющих избирательное законодательство.

Данные, приведенные в этой статье, также подтверждают очерченную выше картину неожиданных последствий избирательных реформ в новых демократиях. Первый вывод таков: попытки партий приспособить положение о выборах к собственным интересам в первые годы трансформации в Польше были неудачными. Во-вторых, успешность манипуляций возрастала с течением времени. В-третьих, нет причин считать, что успешность манипуляций была различной для разных типов партий.

Все три вывода касаются четырех анализируемых выборов и могут рассматриваться как гипотезы, применимые ко всем новым демократиям. Можно предположить, что в среднем низкая успешность манипуляций в Польше — случай экстремальный. Второй вывод является скорее интуитивным и требует проверки на материале большего количества стран и выборов. Речь идет о прогрессе игроков по мере их обучения и улучшения информационных условий в ходе трансформаций. Конечный вывод о том, что успех или поражение в манипуляциях не зависят от свойств партий, отвечает исходному тезису о максимизации количества мандатов, абстрагируемому от типа партии, которая делает выбор. В целом правомерен вопрос о том, существуют ли другие переменные, систематически влияющие на успешность манипуляций. Корректный ответ на этот вопрос требует изучения большего количества случаев. Показатели успешности манипуляций, определенные в данной статье, составляют инструментарий таких исследований.

Наконец, следует повторить оговорку: неудачная манипуляция не равнозначна нерациональности. Последнее понятие требует уточнения с учетом модели принятия решений. Тесты гипотез, связанных из рациональностью, труднее сконструировать. В контексте Польши наиболее убедительным примером ошибки *ex ante* является выбор “Отчизной” статуса регистрации на выборах 1993 года. Еще один пример — неудачный выбор избирательного положения коммунистами на выборах 1989 года. Оба случая связаны с отсутствием необходимого методологического и расчетного инструментария у игроков-неудачников, которые избрали слабо обоснованную стратегию в рамках естественной модели принятия решений. Однако оба случая можно интерпретировать как ошибки только в соотношении с моделями, отвечающими отдельным решениям гипотетического наблюдателя. Согласно субъективным моделям игроков, опции, отвечающие слабо обоснованным стратегиям, скорее всего, отсутствовали. Другие случаи, которые мы определяем как ошибочные *ex post*, можно объяснить неопределенностью и неожиданными изменениями в параметрах проблемы принятия решений.

---

¹ См.: [65] относительно Болгарии, [31] относительно Чешской Республики, [25] относительно Эстонии, [38] относительно Венгрии, [29] относительно Польши и [19] относительно России.

Приложение

Сокращения и полные названия ведущих игроков

Сокращение	Полное название
ББПР	Беспартийный блок поддержки реформ
ДП	Демократическая партия
ДУ	Демократическая уния
ИКА	Избирательная католическая акция
КдРП	Коалиция для Речи Посполитой
“КК”	“Концессионные католики” (три небольшие прокоммунистические организации католиков)
КНД	Клуб независимых депутатов
КНП	Конфедерация независимой Польши
ЛДК	Либерально-демократический конгресс
НС	Народное согласие
ОНП	Объединенная народная партия
“Отчизна”	Католический избирательный комитет “Отчизна” (преемник ИКА)
ПНП	Польская народная партия (преемник ОНП)
ПНП-НС	Польская народная партия — Народное согласие (преемник НС)
ПОРП	Польская объединенная рабочая партия (коммунистическая партия)
СДЛ	Союз демократических левых (преемник ПОРП)
“Солидарность”	Независимый самоуправляемый профсоюзный союз
УРП	Уния реальной политики
УТ	Уния труда
ЦГС	Центр гражданского согласия
ЦС	Центр согласия (преемник ЦГС)

Литература

1. *Alvarez R.M., Nagler J.* Economics, Issues, and the Perot Candidacy: Voter Choice in the 1992 Election // *American Journal of Political Science*. — 1995. — 39(3). — P. 714–744.
2. *Ваэн К.* The Logic of Institutional Preferences: German Electoral Law as a Social Choice Outcome // *American Journal of Political Science*. — 1993. — 37(4). — P. 965–989.
3. *Benoit K., Hayden J.* Institutional Change and Persistence: The Origins and Evolution of Poland’s Electoral System 1989–2001 (ECPR General Conference, University of Kent, Canterbury, 2001, September 6–8).
4. *Benoit K., Schiemann J.W.* Institutional Choice in New Democracies. Bargaining over Hungary’s 1989 Electoral Law // *Journal of Theoretical Politics*. — 2001. — 12(2). — P. 153–182.
5. *Boix C.* Setting the Rules of the Game: The Choice of Electoral Systems in Advanced Democracies // *American Political Science Review*. — 1999. — 93(3). — P. 609–624.
6. *Brady D., Mo J.* Electoral Systems and Institutional Choice. A Case Study of the 1988 Korean Elections // *Comparative Political Studies*. — 1992. — 24 (4). — P. 405–429.
7. *Brams S.J., Fishburn P.C.* Approval Voting. — Cambridge, 1983.
8. *Cichomski B.* Polski Generalny Sondaż Społeczny. — Warszawa, 1993.
9. *Chruściak R.* Prace nad ordynacją wyborczą do Sejmu i wybory parlamentarne w 1993 r. // *Chruściak R. (red.), Mołdawa T., Wojtaszczyk K.A., Zieliński E.* Polski system polityczny w okresie transformacji. — Warszawa, 1995.
10. *Chruściak R.* System wyborczy i wybory w Polsce 1989–1998. Parlamentarne spory i dyskusje. — Warszawa, 1999.
11. *Cox G.W.* Centripetal and Centrifugal Incentives in Electoral Systems // *American Journal of Political Science*. — 1990. — 34. — P. 903–935.

12. Cox G.W. Making Votes Count. Strategic Coordination in the World's Electoral Systems. — Cambridge, 1997.
13. Dunleavy P., Margetts H., Weir S. How Britain Would Have Voted under Alternative Electoral Systems in 1992 // Parliamentary Affairs. — 1992. — 45(4). — P. 640–655.
14. Duverger M. Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. — New York, 1963.
15. Dziennik Ustaw RP, nr. 19, poz. 102–103 (Ordynacja wyborcza do Sejmu Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej X kadencji, na lata 1989–1993). — Warszawa, 1989.
16. Dziennik Ustaw RP, nr. 45, poz. 205 (Ordynacja wyborcza do Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej). — Warszawa, 1993.
17. Dziennik Ustaw RP, nr. 58, poz. 246 (Ustawa z dnia 10 maja 1991 r. Ordynacja wyborcza do Senatu Rzeczypospolitej Polskiej). — Warszawa, 1991.
18. Dziennik Ustaw RP, nr. 59, poz. 252 (Ordynacja wyborcza do Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej). — Warszawa, 1991.
19. Filippov M.G., Ordeshook P.C., Shvetsova O.V. Party Fragmentation and Presidential Elections in Post-Communist Democracies // Constitutional Political Economy. — 1999. — (10). — P. 3–26.
20. Gebethner S. Wybory do Sejmu i Senatu 1989 r. (wstępne refleksje) // Państwo i Prawo. — 1989. — 44 (8). — P. 3–14.
21. Gebethner S. Sejm rozczłonkowany: wytwór ordynacji wyborczej czy polaryzacji na polskiej scenie politycznej? // Wybory '91 a polska scena polityczna / Red. S.Gebethner, J.Raciborski. — Warszawa, 1992.
22. Gebethner S. System wyborczy: Deformacja czy reprezentacja? // Wybory parlamentarne 1991 i 1993 a polska scena polityczna / Red. S.Gebethner. — Warszawa, 1995. — S. 9–48.
23. Geddes B. Initiation of New Democratic Institutions in Eastern Europe and Latin America // Institutional Design in New Democracies. Eastern Europe and Latin America. — Boulder, 1996.
24. Grofman B., Mikkel E., Taagepera R. Electoral Systems Change in Estonia. 1989–1993 // Journal of Baltic Studies. — 1999. — 30 (3). — P. 227–249.
25. Grofman B., Mikkel E., Taagepera R. Fission and Fusion of Parties in Estonia, 1987–1999 // Journal of Baltic Studies. — 2000. — 31 (4). — P. 329–357.
26. Hibbing J. R., Patterson S.C. A Democratic Legislature in the Making. The Historic Hungarian Elections of 1990 // Comparative Political Studies. — 1992. — 24(4). — P. 430–454.
27. Kamiński M.M. Strategiczne konsekwencje łączenia się i dzielenia: Analiza konsolidacji polskiego systemu partyjnego pomiędzy 1993 a 1997 rokiem // Studia Socjologiczne. — 1998. — 3(150). — S. 19–47.
28. Kamiński M.M. How Communism Could Have Been Saved. Formal Analysis of Electoral Bargaining in Poland in 1989 // Public Choice. — 1999. — 98(1–2). — P. 83–109.
29. Kamiński M.M. Coalitional Stability of Multi-Party Systems: Evidence from Poland // American Journal of Political Science. — 2001. — 45(2). — P. 294–312.
30. Kamiński M.M., Lisowski G., Świątek P. The “Revival of Communism” or the Effect of Institutions? The Polish Parliamentary Elections // Public Choice. — 1998. — 97(3). — P. 429–449.
31. Kopecky P. Factionalism in Parliamentary Parties in the Czech Republic: Concept and Some Empirical Findings // Democratization. — 1995. — 2(1). — P. 138–151.
32. Kronika Sejmowa. — 1991. — 21. — S. 1–9 (Posiedzenie Sejmu 10 maja 1991).
33. Kurski J., Semka P. Lewy czerwcowy. — Warszawa, 1993.
34. Kwiatkowski P. Opinion Research and the Fall of Communism: Poland 1981–1990 // International Journal of Public Opinion Research. — 1992. — 4 (4). — P. 358–374.
35. Laaksa M., Taagepera R. The “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. — 1979. — 12. — P. 3–27.
36. Lijphart A. Democratization and Constitutional Choices in Czecho-Slovakia, Hungary, and Poland 1989–1991 // Journal of Theoretical Politics. — 1992. — 4 (2). — P. 207–223.

37. *Lijphart A.* Electoral Systems and Party Systems. A Study of 27 Democracies, 1945–1990. — Oxford, 1994.
38. *Lomax B.* Elections in Hungary: Back to the Future or Forward to the Past? // Journal of Communist Studies and Transition. — 1994. — 10 (4).
39. *Latynska K.* Questionnaire Studies in Poland in the 1980s. Analysis of Refusals to Give an Interview // Polish Sociological Bulletin. — 1987. — 4. — P. 14–24.
40. Monitor Polski, nr. 50, poz. 470 // Obwieszczenia Państwowej Komisji. Wyborczej. — Warszawa, 1993.
41. *Mazur B.* Niedziela w sobotę // Wprost. — 1993.
42. *Moraski B., Loewenberg G.* The Effect of Legal Thresholds on the Revival of Former Communist Parties in East-Central Europe // Journal of Politics. — 1999. — 61 (1). — P. 151–170.
43. *Moser R.G.* Unexpected Outcomes. Electoral Systems, Political Parties, and Representation in Russia. — Pittsburgh, 2001.
44. *Nagel J.* What Political Scientists Can Learn from the 1993 Electoral Reform in New Zealand // PS. Political Sciences and Politics. — 1994. — 27 (3). — P. 525–529.
45. OBOP. Na kogo głosowałoby Polacy w wyborach parlamentarnych? — Warszawa, 1994.
46. PAP News Wire. — 1991. — 11 maja (Sejm Adopts Electoral Law).
47. *Perzkowski S.* Tajne dokumenty Biura Politycznego i Sekretariatu KC. Ostatni rok władzy 1988–1989. — London, 1994
48. Polish News Bulletin. — 1991. — 13 maja (Sejm Passes Electoral Laws).
49. *Przeworski A.* Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. — New York, 1991.
50. *Raciborski J.* Zachowania wyborcze Polaków w warunkach zmiany systemu politycznego // Wybory i narodziny demokracji w Krajach Europy Środkowej i Wschodniej. — Warszawa, 1991. — S. 112–124.
51. *Rae D.W.* The Political Consequences of Electoral Laws. — New Haven, 1967.
52. *Remington T.F., Smith S.S.* Political Goals, Institutional Context, and the Choice of an Electoral System: The Russian Parliamentary Election Law // American Journal of Political Science. — 1996. — 40(4). — P. 1253–1279.
53. *Reykowski J.* Komentarz // Studia Socjologiczne. — 1997. — 2(145). — S. 340–345.
54. *Riker W.* The Art of Political Manipulation. — New Haven, 1986.
55. *Salmonowicz W.* (red.). Porozumienia Okrągłego Stołu. — Olsztyn, 1989.
56. *Schofield N., Sened I., Nixon D.* Nash Equilibrium Approach in Multiparty Competition with 'Stochastic' Voters // Annals of Operations Research. — 1998. — 84. — P. 3–27.
57. Sejm i Senat Rzeczypospolitej Polskiej 1989–1991. — Warszawa, 1991.
58. *Skórzyński J.* Władza i opozycja 1985–1989. — Warszawa, 1995.
59. Sprawozdanie Stenograficzne. 'Projekty ustaw: Ordynacja Wyborcza do Sejmu RP oraz Ordynacja wyborcza do Senatu RP — głosowanie'. — 1991, 10 maja. — S. 314–342.
60. *Stein E.* Czecho/Slovakia: Ethnic Conflict, Constitutional Fissure, Negotiated Break-up. — Ann Arbor, 1997.
61. *Sulek A.* Do czego służą sondaże? Wykorzystanie badań opinii publicznej w kampanii wyborczej 1993 // Kultura i Społeczeństwo. — 1994. — 38(3). — S. 103–117.
62. *Taagapera R., Shugart M.* Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems. — New Haven, 1989.
63. *Tsebelis G.* Nested Games. Rational Choice in Comparative Politics. — Berkeley, 1990.
64. *Urban J.* Komentarz // Studia Socjologiczne. — 1997. — 2(145). — S. 46–50.
65. *Waller M.* Making and Breaking: Factions in the Process of Party Formation in Bulgaria // Democratization. — 1995. — 2 (1). — P. 152–167.
66. Życie Warszawy. — 1991. — 9 maja (Spotkania Sejmowej Komisji Konstytucyjnej).

Перевод с польского Наталли Сидяченко